

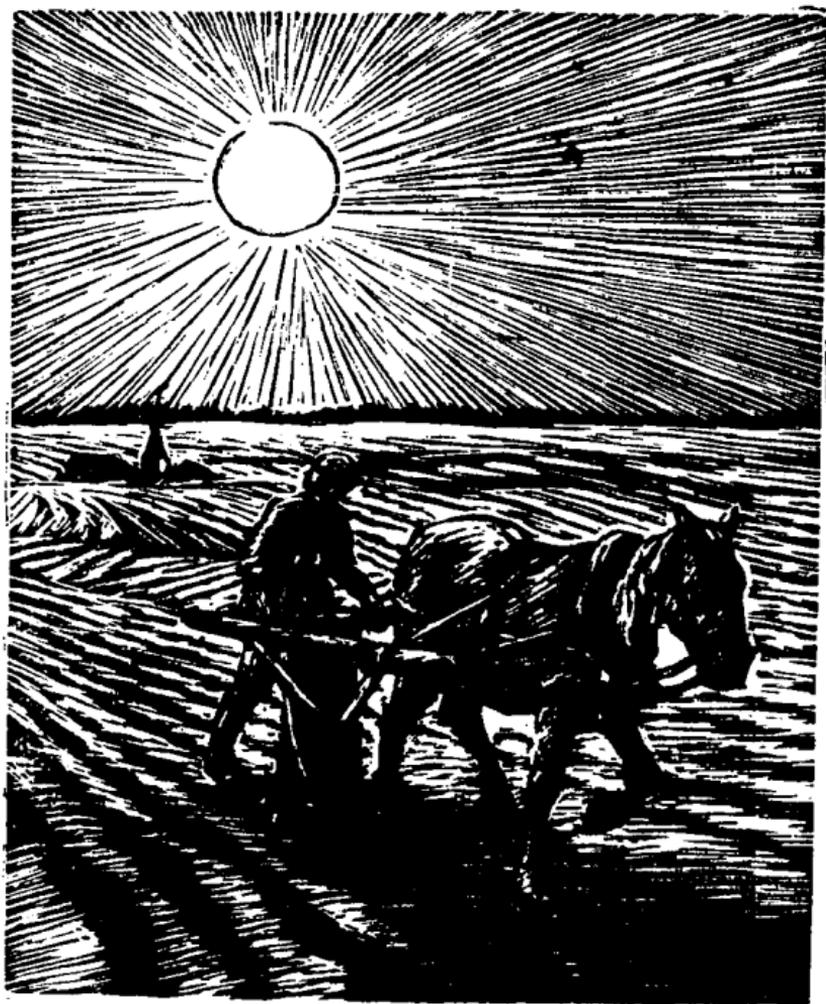
д 14.
32841.

ДАЙНИ



ОГИЗ ● ГОСЛИТИЗДАТ ● 1944





ДАЙНИ

ПЕСНИ ЛАТЫШСКОГО НАРОДА



Перевел А. Глоба

О г и з

Государственное издательство
художественной литературы

Москва 1944

ПЕСНИ НАРОДНОГО ГОРЯ И ГНЕВА

Самое значительное место в латышском фольклоре принадлежит народной песне — даине. Зарождение дайн восходит к седой древности, но большинство из них сложено в эпоху между XIII до XVIII веками, когда в Латвии хозяйничали немецкие захватчики.

Богато и содержательно народное творчество латышей, в особенности их даини. Яркие, красочные они самобытны, как и вся культура латышского народа, созданная за много веков. Эта культура росла и развивалась, несмотря на все тонения, каким она подвергалась со стороны немецких завоевателей. Немцы, ставившие своей целью полную колонизацию латышской земли и онемечение латышей, превращённых в крепостных рабов немецких баронов, всячески стремились задушить, подавить всё, что могло свидетельствовать о самостоятельности латышской культуры. Они ополчились и против песенной традиции, объявив народную песню «низким жанром». Но дайна продолжала существовать, латышский народ создавал всё новые и новые песни, выражая в них свои мысли и чаяния, своё горе и гнев против немецких насильников.

Подавляющее большинство дайн было записано во второй половине XIX века деятелями так называемого национального возрождения в Латвии — общественно-политического течения, ставившего своей задачей освобождение латышской национальной культуры от немецкого гнёта.

Главная заслуга в деле собирания и классификации дайн по праву принадлежит Кришянису Баронсу, известному литературному и культурному деятелю того времени, сделавшему собирание и классификацию дайн делом всей своей жизни.

Именно благодаря неутомимой деятельности Баронса латыши стали обладателями одного из самых обширных собраний народных песен в мировой фольклористике. Всего в настоящее время насчитывается свыше миллиона строк записанных и систематизированных дайн.

Этот огромный лирический клад посвящён главным образом труду и быту латышского крестьянина. Трудолюбивый латышский народ — вот истинный герой этих песен. Напрасно стали бы мы искать в дайнях описаний грозных битв прошлого и чудесных подвигов героев. Их здесь нет, как нет и следа знаменитых имён. Слагатели дайн прославляли свою родину, воспели её доли и леса, реки и озёра, зверей и птиц, морские просторы и небесные светила, движущиеся над Латвией. Скромные спутники латышского крестьянина, дайни искренне и красочно рассказывают о всей его трудовой жизни. По ним мы узнаём о законах и нормах морали, о добродетели и пороках и о той силе народного духа, которая помогла ему, невзирая на все

потрясения и беды, выпадавшие на долю латышского народа, сохранить всю самобытность уклада жизни, национальную культуру и язык.

Внимание создателей дайн привлекает труд пахаря и сеятеля, жнеца и пастуха, пасечника и рыбака, доля женщины и её труд в поле и дома. Вся жизнь труженика—от рождения и до самой смерти — находит своё отражение в песнях. Дайни говорят о насилиях иноземных захватчиков, о власти богатых и горькой доле бедняка, восхваляют добродетели и осуждают пороки.

Жизнь скромного труженика однообразна и бледна, но безыменные авторы дайн мечтают о прекрасном, ждут его и верят в его приход. И мир расцветает перед ними, играя всеми цветами радуги. Щедрой рукой древний поэт рассыпает перед нами камни-самоцветы, золото и серебро. Так, морские волны колышут золотой камыш, листья в роще, где проходит девушка-сиротка, — из чистого серебра. Мы видим в конюшне золотые косяки, медный пол и серебряные ясли. С золотой тростинкой в лапке разгуливают по белому свету пчёлки, серебряной водой из ручья поит лошадей крестьянский парень. Девушка в домотканной рубахе и лаптях, сидя в продымленной, прокуренной избе, сдевает весь мир в шёлковые и золотые одежды и говорит светлые и трогательные слова о любви и дружбе, предпочитая смерть бесчестию.

Латышские дайни очень сжаты, кратки, «ним некогда быть болтливо-многословными», — писал в своём предисловии к дайням К. Баронс. Обычно это четверостишие с законченной, иногда афористичной, мыслью.

Преобладающий размер четырёхстопный хорей, иногда встречается и дактиль.

Строка дайни делится на две части, две диподии, по две стопы в каждой, с обязательной цезурой. В этом отношении дайни не знают исключений. Но состав диподий весьма разнообразен и зависит от количества и долготы слогов в каждом слове. При этом второе ударение в диподии приходится на третий слог, что не всегда совпадает с главным ударением. Во всех этих случаях главным ударением становится дополнительное ударение. Строки бывают как полномерные, так и усе- чённые, редко встречаются стоящие рядом две совершенно равномерные строки.

Эта форма дайнь, на первый взгляд как будто про- стая, тем не менее при переводе создаёт затруднения, обусловленные особенностями латышского языка. Не- которые знатоки латышского фольклора пришли даже к выводу, что латышские дайни переводить вообще невозможно. Однако практика переводов латышской народной песни В. Брюсовым и А. Глоба доказала не- состоятельность этих утверждений. И одним из свиде- тельств этого является настоящее издание, весьма близ- ко передающее содержание и форму дайнь. Здесь включено лишь незначительное количество песен, и лишь тех песен, которые говорят о тяжёлой доле по- рабощённого народа, о гневе и ненависти его к немец- ким поработителям. В основном такой же характер носят и помещенные здесь военные песни.

Это зачастую сухие и колючие, горькие и злые стро- ки гнева, полные тоски и отчаяния строки. В них нет и самой малой доли той жизнерадостности и светлого

волшебства, которые столь характерны вообще для латышской народной песни. Здесь преобладают мрачные краски, мрачное настроение, и за этим настроением и мыслями может следовать лишь одно — борьба.

Всякий раз, когда латышский крестьянин ищет виновников зла и несправедливости, царящей на земле, он обращает свои взоры на мызу — имение помещика, каменное логовище врага. Здесь, как паук в паутине, засел немецкий барон, захватчик латвийской земли, злой стервятник, вылупившийся из железных лат рыцаря. К высшей расе, расе господ причисляли себя немцы с первого же дня своего появления в Латвии. И рыцари-меченосцы и их потомки-помещики и торговцы, пасторы и чиновники — считали себя господами в этой стране. Даже неудачливые немецкие колонисты, выписанные из Пфальца и Померании и из-за своей лени и высокомерия ставшие всеобщим посмешищем, даже опустившиеся пьянчужки-ремесленники считали себя выше латышского крестьянина.

Облик немца, каким знают его латыши по своим народным песням, чрезвычайно схож с обликом озверелого гитлеровца. Латышские дайни изображают мрачную жестокость и обжорство, бахвальство и лживость, трусость и блудливость немца. Немец издевается над слабым и сгибается в три погибели перед властью. Он невежа, лентяй и обжора, привыкший жить на чужой счёт.

Слова «немец» и «барин», «немец» и «чорт» стали синонимами в устах латыша, и латышская народная сказка очень часто величает чорта просто «немцем», а мызу его, средоточие зла и насилия, адом. На са-

мом деле муки, какие изведаль крепостной на барщине, под розгами старост и надсмотрщиков в застенках баронских подвалов, были куда страшнее того пекла, которое сулили ему за непослушание немецкие пасторы. Мыза, выросшая на несправедливости и грабеже, омытая слезами, потом и кровью латыша, вызывала в народе чувство ужаса, стыда и гнева.

Ещё недавно латыши имели все основания считать кровавый немецкий гнёт—историей, тяжёлым прошлым, сохранившим свой след лишь в дайнях и сказках. Но вот озверелые банды немецко-фашистских насильников вновь вторглись в Латвию, и весь ужас векового гнёта, запечатлённого народом в его песнях, воскрес с новой силой.

Наглое высокомерие господ, голод, издевательства, рабский труд в немецких поместьях, на немецких заводах и фабриках и на каторге в неметчине, куда угоняют латышских юношей и девушек, пытки и казни всё это возродило ужасы средневековья.

Ненависть и презрение народа к немцам, запечатлённые в дайнях, горят сегодня новым огнём, зовущим верных сынов латышского народа на бой с насильниками.

Я. Судрабкалинс.



ПОЮТ СИРОТЫ

Народ сирот

Кто там в поле за горою,
Кто без солнца поздно пел?
То сироты-горемыки,
Слуги лютых бар-господ.

Истомились на работе,
Плачут, греясь у костра.
Коркой хлеба заедают,
Запивают труд водой.

*

Эх, куда, чёрный ворон,
Пролетишь ты на закате?
Чёрен, чёрен, да не ворон:
То на барской пашне пахарь —
Утирает чёрный пот.

На закате солнце молвит:
«Труженики, на покой!
Иль на барской рабской слу»
Не устали за весь день?»

За холмами пало солнце,
Отдыхает от трудов —
На баронской только ниве
Отдыха нет беднякам.

*

В красный чёлн своё солнце село,
Как всю землю обошло.
На рассвете вышло снова, —
Чёлн остался на воде.

«Почему так поздно встало?
Пропадало где всю ночь?» —
«За горами, за морями
Я светило для сирот».

Выйди, солнце, из-за тучи,
Обогрей ты пастуха!
Долго длится день пастуший,
Если солнца не видать!

Все сироткой помыкают

Лайма к нам вошла в то время,
Как внесли мне колыбельку,
Век она мне подарила,
Пестрый, словно перья дятла;

Без отца и без родимой
Присудили мне расти,
Мать чужую звать своей,
В барской риге молотить.

* ..

Не упомяну, малолетка,
Как скончалась матушка.
Нынче я нашла могилку,
Где лежит родимая.

На холме песчаном, белом,
Под зелёной травкою.
Подыму я дёрн зелёный:
Встань ты, выйди, матушка,

Расскажу тебе, как мною
Помыкает мачеха.
День-денской меня колотит,
Обрывает косыньки,

А намедни в сад услала —
К яблоньке за розгами.
Яблонь крепко обняла я,
Как родную матушку.

Яблонь крепко обняла я,
Как родную матушку.
Яблонь белый цвет роняет,
Я же — слёзы горькие.

*

Все былинку в поле топчут,
Никому её не жаль.
Все сироткой помыкают,
Не заступится никто.

Где ни дует ветерочек;
Всё на горку завернёт.
Чья вина бы ни случилась,
Всё в ответе сирота.

Тень свою оставь хоть в доме,
Дорогая матушка;
Чтоб чужие нас не звали
Бедными сиротками.

*

Заспешило солнце с неба,
Я осталась в темноте:
Нету матушки родимой, —
Кто пригрет сироту?

Не беги так быстро, солнце!
Ты послушай, что скажу:
Передай хоть ты родимой
Сотню добрых вечеров!

Солнце сходит низко, низко.
Мать родная далеко.
Не догнать их, хоть бегу я,
Не дозваться, хоть кричу.

*

Заходя, сказала солнце:
«Людам отдых в добрый час!»
Умирая, мать сказала:
«Сиротою стань, дитя!»

Сиротою стань, сыночек,
Помеси чужую грязь,
По чужим дворам, сыночек,
Походи ты босиком!»

*

Пела в поле голосисто
На высоком камушке:
Пусть земля меня услышит,
Пусть услышит матушка.

И пою-то я, и плачу,
Но не слышит матушка.
Услыхала, как я пела,
На беду мне, мачеха.

*

Плачут сосны в чаще бора,
Дождик-слёзы на ресницах.
Горько плачут дети в доме
Без родимой, без отца.

Плачет быстрый ручеёчек,
Брызги-слёзы рассыпает.

Часто слёзы рассыпает
По дорогам сирота.

Тяжело жить в отчем доме,
Где чужая мать — хозяйка:
Корка хлеба, да попрёки,
Да из лыка простыня.

Много, много слёз сиротских
Видят пальцы и передник, —
Собирает бог сиротский
Их в серебряный свой чёлн.

АД ЗЕМНОЙ

Ай, куда мне, боже, деться?
В пущах волки да медведи,
В пущах волки да медведи,
В поле рыщет злой помещик.

Озольская мыза горя!
Чтоб ты, мыза, провалилась,
Чтоб ты, мыза, провалилась,
Очутилась в преисподней!

Плачет стар, плачет мал,
Приходя, уходя —
Ецавушка разлилась
От батрацких горьких слёз.

Шёл я мимо барской мызы,
Плача, стона не слышал:
Бог людские принял муки,
Палача же чорт унёс.

— Где ты спал? Где ты спал?
— В барской риге, в барской риге
— Кем разбужен? Кем разбужен?
— Старостиной хворостиной.

Адом, адом стала б мыза,
Было б смолу в чём варить
Да приказчик скоро купит
И котёл у чертей.

Пять чертей в мызной риге
Молотили рожь цепами,
Дул шестой на похлёбку,
А седьмой чорт пас свиней.

Молотили и топтали
Мы в господской риге рожь.
Провалиться б в омут риге
Иль в огне бы ей стореть!

ЗЛЫЕ СТАРОСТЫ

Куры клохчут, лают псы.
Гусь гогочет вслед барону.
Нашему бы старостишке
Покричал хоть чортов филин.

Чорт идёт, чорт идёт —
Староста наш с длинной палкой!
За работу батраку
Платят палкой господа.

Отдохни ты, солнышко,
Отпусти ты пахаря!
Лютый барин, староста
Не пускают пахаря.

Выходи, мызник, в поле,
Что тебе покажу я!
Между небом и землёю
Треплется твоя душонка.
Ни вверху, ни внизу,
Ни у бога, ни у чорта.

Выходи, хозяин рйги,
Что тебе покажу я!
Между небом и землёю
Треплется твоя душонка.
Бейте, черти, в барабаны,
Чтоб упала прямо в ад!

Что трясёшь ты своей палкой,
Старостишка, на гумне?
На том свете будут черти
Твою душу так трясти.

Отчего так ворон каркал
И сороки стрекотали?
Чорт повесил старостишку
На стропилах барской рйги.

Синий, чёрный валит дым
В конце поля над межой.
Не душа ли старосты
Вместе с палкой там горит?

Старостам, господам
Жить легко на этом свете,
Будут, подлых, на том свете
Жарить, словно поросят.

Барин врал:

«Моя земляца».

Не его она, а божья!

Мать твердила:

«Мой сыночек!»

Я не матушкин — господский.

Господам моя работа,

Матушке я не кормилец.

У господ мне, матушка,

Сладко спать не довелось:

На руку склонюсь головушкой —
Так свой сон и пересплю.

А ты, барин, старый хрен!
Не тебя бы мне катать!
Ты в карете развалился,
Как в светлице возле печки,
У меня озябли ножки,
Вожжи к пальцам примерзают.

Учит барин старостишку,
Старостишка батрака,
Кнут батрацкий лошадёнку
Поучает в свой черёд.

Солнышко высоко,
Горюшко велико;
На господской долгой ниве
Притомился мой конёк.

Притомился мой саврасый
На господской нынче пашне.
Надо мною барский кнутик,
Мой кнутишка над саврасым —
Пот с коня-то льёт ручьями...
На твою бы душу, барин,
Эти слёзы, этот пот!

Всем простится, всё простится,
Только немцу нет прощенья:
Загонял чортов сын
Моего коня-кормильца.
Пот с коня бежит ручьями,
Слёзы градом у меня.

Чепрачёк я взял шелковый,
Потного обтёр коня.
Я платочек взял шелковый —
Горькую слезу утёр.

ДНЕМ И НОЧЬЮ НА РАБОТЕ

Ветер в поле стонет,
Немец к морю гонит,
К морюшку дальнему —
Горюшка похлебать.

В темень, барин, посылаешь,
Не увижу я дороги.
С моря чайка закричала,
Меринок мой испугался.

Сытости бы хлебушку,
Господи, прибавилось!
В Даугаве набрал водицы,
Запил я ломоть последний.

Видземе, земля моя!
Ты немецкая неволя!
Днём ячмень я жну на ниве,
Ночью в риге молотил.

Господину — день и ночь,
Братец мой не доспит:
День и ночь он на коне,
Как пчела на цветке.

Бог не может, чорт не может
Наработать на господ:
Братья в поле — месяца,
Мы, сестрицы, по неделям.

Уточка устала плавать,
Перепёлка в поле бегать,
Братья, сёстры, устаёте —
Вы работать на господ!

День хожу я, ночь хожу я—
Сторожу барский двор;
Словно ворон, старый ворон,
Глотку криком надсадил.

Над глубокой, быстрой речкой,
Над водою вѣтлы гнутся.
Уронили листья в воду.
Так на барской службе гнутся
Наши парни молодые.

Ржали, ржали кони братца,
Запросились кони в поле.
Нет им воли выйти в поле,
Братцу нивушку вспахать.

Посвети мне, ясный месяц,—
В дом невестушку везу я.
Днём повѣз бы — нет мне дня,
От господ не вижу света.

С голубочком весть пошлю я
Родненькой сестричке:
Лют наш немец, зла неволя,
Мой мухортый охромел.

Проходила мимо мызы —
Горько, горько зарыдала:
Видела я, как мой пахарь
Надрывался на работе.

ТЯЖКАЯ ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

Шьют приданое подружки,
Я работаю на мызе,
Собираю в фартук слёзы—
Вот приданое батрачки.

Лён свой, девушки, прядите
Светлую свою кудельку!
А пускай бы мыши с'ели
Лён-кудельку барскую!

Барину — моя вся сила,
Плоть моя — сырой земле,
Матушке моей досталось
Колыбель мою качать.

Не спала я, сиротинка,
В риге ночку скоротала:
Хлеб господский молотила
Утирала часто слёзы.

Как росла я, подросла я —
На господский взяли двор.
На господский двор ступила —
Слёз полморя пролила.

Боже, тяжко жить на свете,
Господам угождать!
На ходу я обувалась,
Не ложась, я спала.

Я лучину зажигала,
Ночь гнала я за порог, —
Заработался мой братец,
С мызы долго не идёт.

Дотемна я молотила,
В темень с мызы шла домой,
Затемно пряла, ткала я,
В темноте я горько плачу.

Почему не вышли ростом,
Мелки наши девушки?
День-денской на барской ишве
Заполночь в барской риге.

*

— Нету мне отдыха,
Матушка, нету!
Праздника нет святого,
Нет воскресенья!

— Не надрывайся,
Доченька, полно!
Всласть наработалась,
Вволю намучилась.

— В темень домой пойти —
Не заблужусь ли?
Звёздочки в тучах,
Месяц не светит.

Горе не светится,
Радости негде взять.
Бог, слышу, сердится
В тучах за мызой.

Взял он кресало —
Молнию высек,
Чтоб посветить мне
В тёмном лесочке.

*

— Отвори мне, мать, ворота —
Воротилась дочка с мызы;
Плечи голы, ноги босы,
Умываюсь я слезами.

Покарай ты, боже,
Мать-отца родимых,
Что на свет меня родили
Для неволи барской.

НАРОД ТРУДИТСЯ, БАРИН НЕЖИТСЯ

Хочет барин так сидеть,
Как на небе солнышко.
Где то кресло золотое?
Золотая где скамейка?

Почему бы не сидеть
Господам на горе!
Справа ль, слева ль ветер дунет —
Кучу серебра надует.

Малые все и большие,
Все бегут дороги в Ригу.
Малые все и большие,
Спят все баре на подушках.

На подушках как не спать
Нашим барам-господам:
Сам лежишь на боку —
Пахарь песни, знай, поёт!

Белая на горке мыза.
Белую кто мызу строил?
Русый парень, серый конь —
Вот кто белую построил.

Белая на горке мыза.
Белую кто мызу строил?
Подневольный труд батрацкий,
Крик и ругань старосты.

С трёх сторон ворота мызы,
На три стороны открыты:
Господа в одни в'езжают,
А в другие старосты.
Через третьи батраки
Вносят барское добро.

Не у бога, так у чорта
Деньги, видно, брал помещик.
И не пашет, и не жнёт,
И рыбачить не ходил!

Ехал мимо барин — плакал:
Увидал он рожь мою, —
Колыхалась рожь под ветром,
Как вода, разлилась.

Три у немца сюртука,
У меня одна лишь нива.
Где три шилось сюртука?
На моей крестьянской ниве.

Чтобы стал ты делать, барин,
Если б все мы перемерли?
Кто кормил бы, кто поил бы?
Кто поклоны отдавал бы?

Немец, где твой дом и поле?
Где плужок твой, где лошадка?
Что пришёл ты в нашу землю?
Чтобы пить мой горький пот?

*

Рига, Рига, город Рига!
Кто красивой сделал Ригу?
Сила гордая видземцев
Горький пот коней видземских.

Белы рижские дороги.
Кто их протянул холстами?
Рожь курземская да клевер,
Да курземские лошадки.

БАРИН ПРОЕДАЕТ КРЕСТЬЯНСКОЕ ДОБРО

Вербовые лапотёнки
Хлебушко всем добывают
Щёгольские сапожонки
Деньги по ветру пускают.

Побранился вербный лапоть,
С туфель немца-господина:
Всё, что лапоть добывал,
Прорва-туфля проедала.

День в работе, ночь в работе,—
Немца ввек не накормить!
Помоги нам накормить их,
Ты набей им рот, земля!

Отчего, мои братишки,
Вы живёте бедняками?
— Господину надо много,
Мало поле нам даёт.

Распашите, братья, боры,
Распашите и болота;
Вы пашите, не пашите,
Барин всё себе возьмёт!

Поглядеть приди-ка, барин.
На моё житьё-бытьё:
Пчельник мой в бору дремучем
Мой коровник на болоте.

Поглядели б, господа,
Как нам, батракам, живётся:
Крыша в дырах, пол — болото,
Прыгают в постель лягушки.

Пчёлка, пчёлка, ты летаешь. —
За решёткой я сижу.
Собери побольше мёду,
Выкупи меня на волю!

Ведомо ль тебе, братишка,
Каково моё житьишко?
Волк унёс мою овечку,
Барин взял мою невесту.

Барского режь коня,
Братец-волчишка!
Дай мужицкому
Век дожить!

Волк батрацкую кобылку
На болоте поджидал.
Знать, ослеп, не видишь, серый,
Барских кормленных лошадок!

Трим-тра-ла, трим-тра-ла!
Волки в ряд через лес!
Увидали немчуру
На хорошей лошадёнке.

На холмах высоких вязы
Широко простёрли сучья.
Мудрые слова у старых,
Барский ум их не раскусит

Ай, барин, ай, барин!
Доконал ты нас работой.
Похулим тебя мы речью,
Похулим тебя мы песней!

НЕМЕЦ — ОБЖОРА И ЛЕНТЯЙ

Немец над крепкою
Репою плакал.
Полно, утешься,

Чорт тебя милует.
Чорт тебя милует,
Бог тебя жалеет.

Далёко был, много видел,
Расскажу — не поверят:
Немец пашет, немец плачет —
Плуг пять кошек волокут.
Плачь — не плачь, хлеб не даром
Достаётся, немчура!

Трое немцев расшумелись,
Как делили ломтик хлеба.
Как им было не подраться —
Ни один из них не пахарь!

Довелось бы немчуре
Помиру пойти с сумой!
Будешь клянчить корку хлеба
Под окном у батрака!

Чортов немец, чортов немец,
Под забором пропадёшь!
В долг сюртук купил ты в Риге
Да и тот уж заложил.

Мёду хочешь, чортов немец, —
Запрягай скорей телегу,
Поезжай на дуб за мёдом
На трёхногом меринке!

Слышишь, немец, как поёт
Соловей твой голосистый?
Белобрюхая лягушка —
Соловей твой голосистый.

В белку три стреляло немца.
Каждый разом из трёх ружей
Хоть была она хромая,
Ускакала на сосну.

Боже мой, боже мой,
Поскакала, как свинья,
Если б барин наш увидел,
Сел бы на неё верхом.

НЕМЕЦ, КТО ТЕБЯ ЗВАЛ?

Немец непрошенный,
Немец незванный,
Чем ты, немец,
Пообедаешь?

Волк поросёночка
Резал, опаливал,
Волк для немца
Стряпал жаркое.

*

Немчура, зачем на свадьбу
На крестьянский двор пришёл?
Как справлять ты будешь свадьбу,
Чорт пускай к тебе придёт!

Немцу горе и забота:
Где ему взять невесту?
Ходит цапля по болоту, —
Приглянулась цапля немцу.

Заставлял плясать на камне
Немчура свою невесту.
Пять чертей за ней гонялось
С раскалённой кочергой.

Ай да барин, ай да немец!
Тесноваты сделал сани:
Сядешь сам с детьми, с женою,
А грехи куда посадишь?

Закричали журавли,
Застонали камыши:
Едет немец-чорт на мызу,
Дочку пахаря везёт.

Ели свиньи из корыта —
Забрались в него с ногами.
Господа вино лакали —
Батраков честили бранью.

СТОРОНИСЬ ГОСПОД, ДЕВИЦА

Белый клевер, белый клевер,
Вдоль дороги не расти:
Мимо баре будут ехать,
Тонкой плёткой посекут.

Сторонись господ, девица,
Лучше знаться с батраками
Девятью плыла морями
Доля парня-батрака.

*

За веночек мой дают мне
Господа большие деньги.
Нет, сударь мой, не продам я
За сто талеров венок свой,
Пахарю его отдам я
За холщёвую онучку.

Я вязала рукавицы,
Не ждала я барчука.
Кто о баричах гадает,
Пусть вязали бы перчатки.

Старостихой я не буду,
Пахарю я жонкой стану:
Пахарь кормит добрым хлебом,
Староста кормил бы палкой.

Лучше есть мне корни дуба
В бедном доме жениха,

Чем у немца белым хлебом
Наедаться каждый день.

Просят наших поцелуев
Молодые барчуки, —
Целоваться с барчуками
Мне, мужичке, не с руки!

ЧТОБ ТЫ ПОМЕР, НЕ РОДЯСЬ!

Для кого, немчура,
Ты носище отрастил?
Будет чорту кочергою:
Жар... из печи выгребать.

Жить легко на этом свете
С длинным носом немчуре.
Каково-то на том свете
Молотить он будет носом!

Немец, немец — долги ноги,
Голенища — камышинки,
В пекло немец попадёт,
Будет глину там месить.

Немец, немец — тонки ноги,
Голенища — камышинки,
Не заметил, как до пекла
На ходулях доскакал.

Длинные волосы у немца, —
Вешай немца на дубу!
Чорту зеркала не надо —
Только взглянет на него.

Покатался на лошадаках,
Чортов немец, погоди!

В преисподней будешь ездить
На гадюках да ужах.

Ай, проклятый немчура,
Чтоб ты помер, не родясь!
Над тобой бы рос лопух,
Выл бы ветер над тобой.

Боже, дай, чтоб волк ослеп,
Пасть медведь бы разодрал,
Дай, чтоб барин-немчура
На охоте охромел!

Боже, дал бы долгий век
Господину-немчуре:
Охрометь, окриветь,
Да оглохнуть бы ему!

ЖАВОРОНОК, БЕРЕГИСЬ!

Жаворонок, в чистом поле,
У дороги не садись:
Проезжают господа —
Не обедут и затопчут.

*

Жаворонок, в чистом поле,
У дороги не садись!
Будут ехать баре-немцы —
Жаворонка полонят.

Увезут тебя в карете
Вдаль, в неметчину свою.
Дровосеком там ты станешь.
Будешь печи им топить.

А потом тебя заставят
Вертел тонкий острогать,

Самого наткнул на вертел,
И зажарят, и с'едят.

*

Не садись ты, жаворонок,
В чистом поле у межи!
Будут ехать баре-немцы —
Жаворонка полонят.

Увезут тебя в карете
Вдаль, в неметчину свою.
Там бобы молоть заставят,
Медный барабан дадут.

Птичка, птичка-жаворонок!
Не умеешь ты молоть.
Медный барабан возьмёшь ты —
Не сумеешь бить в него.

Боже мой! Боже милый!
Как вернуться мне домой?
Как вернуться мне в отчизну?
Как в родимый дом попасть?

У отца ячмень на ниве,
Мой гнедой затосковал.
Обо мне моя невеста
Слёз озёра пролила.

ПЛЯШИ, НЕМЕЦ, ПЛЯШИ, ЧОРТ!

Если б золото мне дали,
Что на дне морском лежит,
Я купил бы крепость Ригу
Вместе с немцами, как есть,
Я бы немцу сделал то же,
Что от немца сам терплю:

На горячих кирпичах он
У меня бы стал плясать,
А чтоб выше немец прыгал,
Я бы жару подложил.

*

Если б золото мне дали,
Что на дне морском лежит,
Я дворец купил бы в Риге.
Вместе с немцами, как есть.

Я бы сделал немцу то же,
Что от немца сам терплю:
Днём велел бы в лес поехать,
Ночью в риге попотеть.

Тощ — пускай он месит глину,
Толст — пускай корчует пни.
Вот тогда узнаешь, дьявол,
Как мужицкий горек хлеб!

МИЛЫЙ НА ЧУЖБИНЕ

Подымайся, месяц, в небе,
Ты в окошко посвети.
Нащепал бы мне лучины
Милый, если б был со мною;
Нащепал бы мне лучины
Милый, если б был со мной.
На чужбине он, в неволе,
Словно месяц за горою;
На чужбине он, в неволе,
Словно месяц за горой.

Баренемцы уезжали,
 С ними братец мой уехал.
 Баренемцы воротились —
 Не вернулся милый братец.
 Продан братец мой в неволю
 За три меры звонких денег:
 Две — червонцев полновесных,
 Мера с верхом — серебра.

НАЛИВАЛИСЬ КРОВЬЮ ЗОРИ

Пролетала, ворковала
 Пара сизых голубков,
 Ай-я, ай-я, я!
 Пара сизых голубков.

Проезжало двое братьев,
 Каждый думал об одном,
 Ай-я, ай-я, я!
 Размышляли об одном:

Где остался мой братишка,
 Знаменосец молодой?
 Ай-я, ай-я, я!
 Знаменосец молодой.

На границе прусской, в поле,
 Он остался навсегда.
 Ай-я, ай-я, я!
 Он остался навсегда,

Божьи слуги приходили
 В поле души собирать,
 Ай-я, ай-я, я!
 В поле души собирать.

В божью светлую обитель
Уносили на крылах,
Ай-я, ай-я, я!
Уносили на крылах,

*

Перешла бы в брод я речку —
Жаль кувшинки мне топтать.
Братец саблю через речку
Для сестрицы положил.
«Стань, сестрица, стань на мостик,
Только сабли не сломай!
Эта сабля славной стали
И с насечкой золотой».
Пусть хоть целый полк проходит,
Сразу братца узнаю:
Сабля братца — словно солнце,
Шапка братца — как заря.
На уздечке вороного
Всходит месяц молодой.

*

В колыбельке покидал
Я сестрёночку-сестру.
Из похода воротясь,
Вышивальщицу нашёл.

«Кто такая, — мать спросил, —
Вышивальщица у нас?» —
«Позабыл ты, знать, сынок,
Как сестрёночку качал!» —

«Вышивальщица-сестра,
Знамя вышей нам, бойцам!
Шёлком красным, дорогим,
Чтоб горело, как огонь!»

Золотая ли синица
 Пела рано под окном:
 «Выдь, сестрица, выдь послушай,
 Нет ли вести нам с тобой».

Приносила весть синица:
 «Братцу ехать на войну.
 У крылечка он седлает
 Вороного своего».

Приколола друг-сестрица
 Братцу к шапочке цветок.
 Говорила, провожая:
 «Скоро ль, братец, ждать домой?»

«Если мне судьба вернуться,
 Письмецом я извещу.
 Если мне судьба иная,
 Жди коня ты моего».

Год за годом годы льются,
 Прибегает братцев конь,
 Прибегает конь-бедняга,
 Ножки пылью пропылил.

Полотенцем белым ножки
 Обтираю я коню,
 Я рукою отираю
 Беднадёжных слёз ручьи.

«Где остался твой хозяин?
 Где остался братец мой?»—
 «Там остался мой хозяин,
 Где рекою кровь течёт,

Где от крови красны реки,
 Где запруды из костей,
 Где из ружей строят риги,
 Волосами кроют их.

Там, как срубленный дубочек,
Сам хозяин мой лежит».

*

В ручейчке пили воду
Двое сизых голубков.
От'езжали двое братьев,
От'езжали на войну.

Призадумались дорогой:
То ли ехать, то ли нет?
Или ехать на чужбину,
Иль остаться в Курземе?

В Курземе жилось не плохо,
Жёны стлали нам постель. —
Кто солдату мягко стелет?
Где упал он, там и спит.

День-денской солдат в дороге,
Неустаннй он ходок,
Где посуше лист да хвоя,
Там и ложе у него.

Серый камушек — подушка,
Ноги в Даугаву спустил,
Саблей, вместо одеяла,
Укрывается солдат.

*

На руке моей, голубка,
Спи, пока рука устанет,
А когда рука устанет,
Выну из-под головы.
Разбужу тебя, жалея,
И пойду коня седлать:
Завтра мне на зорьке ехать
На далёкую чужбину, —

На немецкую границу
Завтра еду я с полком.

*

Ну, так с богом в путь-дорогу!
Покидаю Видземе!
Не гулять мне по усадьбам
Вечера все напролёт!

Зеленейте, рощи, нивы,
Справа, слева вдоль дорог!
Скоро буду гарцовать я
На лихом коне в строю.

Вот когда бы поглядела
На сыночка мать моя,
Не лила бы слёз горючих,
Утираясь рукавом!

Как мундир свой затыну я,
Как я шапку заломлю,
Как я саблей опояшусь,
Как вскочу я на коня!

Распевая громко песни,
Мы уедем на войну.
Распевая громко песни,
Возвратимся мы домой.

*

Аусеклис обходит небо:
Все ли в сборе звёздочки?
Все уж в сборе, все на месте,
Что же нету месяца?
За горами-долами
Греет месяц наших братьев.

Надо дочкам собираться,
Надо девицам итти.
Дочка яблонька сбиралась
Повязалась в путь платочком,

Повязалась в путь платком.
Оседлала жеребца.
Шелестит листом платочек,
Сабля-ветка на боку.

«Будь, родимая, здорова!
Будь, родименький, здоров!»
По лесам, по рощам мчится,
Словно пчёлка по лугам.

В рощу, где война шумела,
Прискакала подконец.
Поздоровалась с бойцами,
К воеводе подошла.

Воевода тут промолвил:
«Вижу, витязь из чужих,
Но слышал, что мир вернулся,
Что покончено с враждой.

Поезжай домой, сестрица,
Мать, отца держи в чести,
Мать, отца держи в почёте,
Старость их оберегай.

И владей землёй отцовской,
И отцовским вороным,
И коровушку родимой
Досыта корми травой».

Наливались кровью зори,
 Закручинились бойцы.
 Братья, братья, не кручиньтесь:
 Выходит солнце в серебре!

Белой пылью снег крупится,
 Проскакали молодцы.
 Не мои ль то были братья?
 Не успела разглядеть.

Едут, едут, долго, долго
 Чужедальной стороной.
 Мать-отчизна нас позвала, —
 Надо матери помочь.

Бранным подвигом докажем
 Ей сыновнюю любовь,
 Честь отчизны и свободу
 Купим кровью мы своей.

ДРУЖБА С РУССКИМИ

Русская мне юбка впору,
 Впору русский мне ловойник:
 Русскому я стану жонкой,
 Лишь дала бы мать согласие.

Горя мало, что приходит
 К нам литовец или русский:
 Мой братёнок—муж литвинки,
 А сестрица русской стала.

Русский, русский, обернись-ка:
 Едет немец, гость незванный.
 Глянь, суконце алое
 Белым морем стелется.

Русский, русский, что ты дремлешь?
Немец в гости к нам назвался.
Обувайся, одевайся,
Свой топорик наточи.

Ай, братишка, выходи-ка,
На границу прусскую.
Размахнись-ка сабелькой,
Потрудись-ка для отчины!

Королишка прусский хвастал,
Что побьёт он крепко русских,
Постреляет всёх горохом.
Русский царь тут осердился:
Королишке дал отведать
Не гороха—пуль свинцовых.

СГИНЬ НАВЕКИ, НЕМЕЦ!

В море рожь на синем камне
Чёрная змея молола,
Доведётся из муки той
Господам есть хлеб за лютость.

Выходи-ка, погляди-ка,
Что тебе я покажу:
В преисподней душу немца
Подпекают, как свинью.

Где ты, немец, заночуешь?
В риге дымно, в поле ветер.
Отправляйся дрыхнуть в пекло:
Там ни дыма, там ни ветра.

Как на барский зов пошёл я,
Нитку клал за пазуху:
Пусть повиснет гнев господский
На конце той ниточки!

Под ногой конопелька
Хрустнула, хрустнула.
Так хрустели, как топтал я,
Барские косточки.

Ехал барин по дороге,
Поднималась пыль столбом.
Поезжай, куда поехал,
Да обратный путь забудь!



ПРИМЕЧАНИЯ

Сироты (Vaga bērni) Латышские народные песни и сказки много и с большой любовью говорят и поют о сиротах, причём слово это имеет двойкий смысл: прямой, или первоначальный смысл,—когда говорится о детях, потерявших родителей, и более расширенное, символическое толкование,—когда это понятие включает в себя всех горемык, весь подъяремный, трудящийся, закрепощённый народ.

Лайма — мать судьбы (Laimas mate Laima). Лайма, или Лайме (по лат. — счастье), занимает одно из центральных мест в народных верованиях латышей, считавших, что каждому живому существу, и даже вещи, присуще своё счастье, своя судьба. Сказки говорят о Лайме или как о молодой красивой женщине, или как о добродушной старушке. В дайнях Лайма то ходит босиком, с распущенной косой и с зелёной липовой или берёзовой метёлкой подмышкой, то едет по ниве верхом на коне, в одежде из овсяных колосьев. Лайма также — мать всех сирот, помогает юноше найти невесту, девице — жениха. В её образе сплелись различные элементы древних верований. Целый ряд черт роднит её с греческими парками и Афиной Палладой и Юноной, а также с богинями плодородия древних кельтов.

Рига (Rīga). Рига занимает одно из центральных мест в жизни усадьбы и мызы. Помещицы риги нередко занимали площадь в несколько сот квадратных метров. Во время крепостничества в Латвии и

Эстонии риги часто превращались в жилые дома, а иногда в пристройках риг помещались даже школы и молельни. Ригу немецкого помещика один из историков Прибалтийского края справедливо назвал Голгофой латышского народа. Подневольный рабский труд нашёл здесь наиболее яркое выражение, и латыши справедливо говорили о ней, как об аде. Со всем другое дело, когда дайна или сказка говорит о риге крестьянина. И здесь приходилось трудиться в поте лица своего, вставать с первыми петухами, но работа эта шла на пользу крестьянина, и дайни говорят о ней радостно, любовно. С ригой связан ряд обычаев и верований латышей. Она — излюбленное местопребывание чертей и приведений. В определённое время года — осенью — в риге устраивалось пиршество, угощение душам предков, велям. Рига состояла из нескольких частей; в одной сушился хлеб, в других его молотили и просеивали;

Ад (по-латышски «*elle*» с нижненемецкого «*die Helle*»). Это, кажется, единственное слово, заимствованное у немцев для обозначения понятия из христианской религии. Весьма многие культовые слова заимствованы у русских, которые первые приобщили латышей к христианству, но за словом для обозначения христианского ада латыши обратились к немцам. В латышских народных верованиях говорится о «паземе» — подземной стране.

Мыза. Поместье, имение немецкого барона (по-латышски — муйжа). Мыза — немецкая твердыня, и все нити управления страной стекались к ней. Историки неоднократно сравнивали её с вампиром, улырём, высасывающим из народа кровь.

Ецава — пека в Кувземе.

Братья, братцы (*Balī, bālelnī*). Дайни говорят о братьях, братишках, братцах, как о родичах, всех членах рода. Балинями мать называет своих детей, сестра — братьев и т. д. Различаются близкие и далёкие балини, по степени родства. Охотнее всего дайни говорят о балинях во множественном числе.

сбозначая, таким образом, всю совокупность родственников, весь род. Балиням свадебные и любовные песни противопоставляют «tautas» (множественное число от «tāta» народ).

Аусеклис — утренняя звезда.

Жаворонок. Одна из самых популярных птиц в латышских народных песнях. Известно множество вариантов дайн, предостерегающих жаворонка от увоза в Германию. Исследователи полагают, что под жаворонком подразумевался крестьянин, весёлый малый, любящий песни, брагу и беззаботное житьё. Задолжавший помещику, он закабалён им и продан или увезён на чужбину — в Германию.



СОДЕРЖАНИЕ

Песни народного горя и гнева	5
Поют сироты	11
Народ сирот	11
Все сироткой помыкают	12
Ад земной	15
Злые старосты	16
Днём и ночью на работе	19
Тяжкая женская доля	20
Народ трудится, барин нежится	23
Барин проедает крестьянское добро	25
Немец — обжора и лентяй	26
Немец, кто тебя звал?	28
Сторонись господ, девица	29
Чтоб ты помер, не родясь!	30
Жаворонок, берегись!	31
Пляши, немец, пляши, чорт!	32
Милый на чужбине	33
Наливались кровью зори	34
Дружба с русскими	41
Сгинь навеки, немец!	42
Примечания	44

Редактор *Л. Г. Блюмфельд*

Подп. к печати 5/IV—1944 г.
А—7833. Тираж. 10000 экз.

1½ печ. л. 1,79 уч.-авт. л.
Зак. № 285. Цена 1 р.

2-я тип. изд-ва «Московский
большевик», Петровка, 17.

Опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует
10	1 сн.	Я. Судрабкалинс.	Я. Судрабкалинс.
11	2 сн.	служ	службе
15	8 сн.	ямимо	я мимо
27	5 св.	даро	даром
46	4 св.	tanta	tauta

Дайн.

